

Российского государства и перенос в Москву центра православия (1448) по времени совпадает с периодом крайнего ослабления и окончательного распада (1453) Византийской империи в течение нескольких веков олицетворявшей собой культурное, научное, технико-экономическое и военное лидерство практически во всех областях. В Евро-Азиатском «театре» освобождается вакантное место ведущего актера и режиссера, на которое, фактически, нет потенциальных претендентов, кроме России. Можно предполагать, что именно неудача этой многовековой попытки (прежде всего — в культурно-историческом значении, т.е. в смысле высшего типа, а именно — духовного лидерства) явилась основой создания (имеющего компенсаторную природу¹) мифа об особой «русской душе», на основе которого в последующем возникли такие понятия как «Святая Русь», «непоколебимый русский дух», а позднее — «непобедимая русская армия», «...флот», затем искусно трансформированные в «советский» (характер, народ, ученый, рабочий, тип личности и т.д.).

От монархии к пролетарской империи

Вторая традиция — «исторической российской экспансии», фактически, связана с первой и обусловлена принятием на себя, а затем целенаправленным культивированием особой (в некотором роде — «мессианской») роли России по отношению к сопредельным народам и государствам (а в «советский» период — ко всем народам мира). При этом — с незапамятных времен и до последнего времени — здесь безраздельно господствовала «русская (наднациональная) идея», подразумевавшая безусловный приоритет русской культуры над остальными этносами империи (при равенстве всех верноподданных, а позднее — всех советских, независимо от национальности и вероисповедания) и реализовавшаяся преимущественно в форме «ненасильственной ползучей русификации» (со времен покорения Сибири и до наших дней). В отличие от этого, «русский национализм» («Россия — только для русских») — это качественно иное понятие, получившее кратковременное распространение в начале XX в. и периодически (нарастая, в связи с унижением национального самосознания основного этноса) проявляющееся сейчас.

Нужно сразу отметить, что в вопросе русификации (в последние годы подвергающейся — исторически мало обоснованным — нападкам) Россия действовала в большинстве случаев гораздо более деликатно нежели другие государства. Например, в конце XVIII в. — до этого — в многонациональной Франции специальным постановлением Конвента было официально (под угрозой наказания) запрещено препо-

---

¹ Компенсация — психологическая или социально-психологическая феноменология, развивающаяся как результат обычно неосознаваемых попыток возмещения того или иного реального или мнимого недостатка. Является одним из механизмов психологической защиты от не принимаемой или неприемлемой реальности и служит средством преодоления комплекса неполноценности.

давать и говорить на других языках, кроме французского, а *введение в курс начальной школы преподавания единого варианта истории Франции ставило совершенно конкретную цель — формирование единой исторической памяти народа*¹.

Возвращаясь к российским историческим традициям, нужно также отметить, что всегда существовала и продолжает существовать, хотя и менее существенная, нежели первые две, третья традиция — имеющая персонифицированную значимость, а именно: ориентация на первое лицо государства, относительно независимо от его официального наименования, провозглашаемых им исторических ориентиров или декларируемых нравственных идеалов и ценностей (например, царь — Николай, премьер-министр — Ленин, генеральный секретарь — Сталин или президент — Горбачев — каждый в какой-то исторический период был не только выразителем идеалов, но и кумиром всей нации).

Объединение этих двух идей (с определенной катализацией со стороны третьей) формировало специфическую ментальность россиян: если Русь — святая (по определению), то, следовательно, (с точки зрения примитивного массового сознания) почти каждый русский несет в себе отблеск этой святости (даже если несет его «огнем и мечом», как было при исторических прорывах России к северным и южным морям). Поэтому не только последняя — Отечественная, а практически все наши войны на протяжении нескольких столетий были «священными» и являлись славянско-православным вариантом давно ушедших в прошлое крестовых походов. Для реализации этой идеи Россия должна была быть чрезвычайно сильна как в экономическом, так и — даже более важно — в военном отношении, что далеко не одно и то же (например, Швейцария с ее мощной экономикой и микроармией). Второе положение устойчиво реализовалось на протяжении всех последних столетий (что очень существенно: на фоне неудач культурной экспансии, особенно — на Запад), и наиболее полного выражения достигло в эпоху сталинизма. Россия никогда до этого не была так сильна и не вызывала такого прилива национальной гордости, так же как и столь же сильной (но, безусловно, приятной для национального самосознания россиян) тревоги у «соседей» (это одна из ведущих причин того, что ностальгия по сталинизму так сильна).

В тех условиях идентификация с сильной Россией и основным этносом (первое лицо которого к нему не принадлежало) была исторически

---

¹ Эта чрезвычайно важная для формирования самосознания любого народа идея, сформулированная и представленная нами в Администрацию Президента РФ еще в 1994, в период бездумных «демократических» преобразований была похоронена одной из первых. В результате на протяжении двадцатилетнего периода (вследствие ложно интерпретированного принципа исторического плюрализма мнений) в стране было издано несколько десятков учебников с самым широким диапазоном оценок — от бездарного восхваления до беззастенчивого обесценивания истории России, ее исторических героев и лидеров, ее исторических побед и достижений. Лишь 19 лет спустя Президентом РФ была поставлена задача создания единого учебника истории страны.

и индивидуально чрезвычайно соблазнительной, и в силу этого легко принималась, особенно малыми народами, безусловно, не чуждыми идей национального превосходства. К сожалению для всех нас, в течение предшествующего исторического периода создание единого этнического пространства, не как национальной, а как культурно-исторической феноменологии, как залог будущей стабильности, не увенчалось успехом, и лишь сейчас (под влиянием внешней и внутренней, и что наиболее существенно — личной угрозы) начинает формироваться действительно новая историческая общность людей, пока обозначаемая неблагозвучным термином «русскоязычные». Забегая немного вперед, можно высказать предположение, что *нынешнее полиэтническое пространство составляет один из основных и трудно преодолимых барьеров на пути к демократическому обществу.*

С учетом предмета нашего исследования, следует особо подчеркнуть, что *все, работавшие на идею национального* (в предшествующий исторический период — силового или военного) *превосходства, всегда имели особый статус в государстве* (военные, оружейники, а позднее — ракетчики, конструкторы и т.д.). Еще более существенно, что *такой же особый статус в государстве всегда имели идеологи*: религиозные и — затем — партийные, при этом, в случаях, когда идеологи являлись не только эмоциональными ораторами (трибунами-«трансляторами»), но и творцами («продуцентами») новых идей, они в буквальном смысле обожествлялись.

Какими бы религиозно окрашенными или пропагандистскими методами не осуществлялось внедрение этих идей, как в до-, так и постреволюционную эпоху, массовое сознание населения было и в значительной степени остается под их влиянием. В целом, преимущество идеологии великодержавности, несмотря на смену лозунгов и кумиров, прослеживается вплоть до конца восьмидесятых годов (от особой гордости русских-православных до особой гордости русских-советских и «нового мышления» для всего мира). Таким образом, если исходить (безусловно, несколько упрощая, как и при любой схеме) из российского опыта XX в., не православие, к которому уже столько раз пытались прибегнуть в последние годы, составляет суть национального единства, а именно идея российской национальной гордыни (во всей ее специфике, о которой еще будет сказано ниже).

О западных образцах

В обозримом историческом прошлом, увлечение «западными образцами» (пожалуй, за исключением Византийско-Константинопольско-Стамбульского, который очень условно можно отнести к западным) никогда не было для России длительным, а периоды временного восхищения или даже преклонения перед ними (преимущественно — интеллигенции) всегда закономерно сменялись возвращением к своим «истокам» и признанием малой применимости западного (прежде

всего — социального) опыта (пусть и превосходного, но неприемлемого для России).

Естественное и болезненное расщепление безраздельно господствовавшей в период средневековья системы «власть—идеология», которое уже давно произошло на Западе, в России лишь начинается. В современном западном мире, в так называемых цивилизованных государствах, власть уже давно ушла «в тень», заняв свою собственную нишу, по отношению к которой идеология и финансы являются хотя и чрезвычайно значимыми, но внешними факторами. В России же по-прежнему от власти ждут и первого, и второго, и третьего. Но власть, лишившись идеологии, уже не способна к деятельности в системе феодальной модели и, одновременно, еще не созрела для перехода к западным образцам.

В историческом аспекте власть всегда начиналась с силы и удерживалась по формуле: «кто кого»; затем появилась ее вторая составляющая — право, базирующаяся как на прямом наследовании, так и на преемственности власти, что обеспечивало и ее собственную, и общественную стабильность. В России преемственность власти и право на власть в течение последнего столетия многократно нарушались. Нынешняя демократия не составляет исключения: она возникла на пустом месте и не является преемницей ни «белой», ни «красной» гвардии, ни даже — диссидентствующей интеллигенции, хотя в некотором смысле органически связана с последней.

Современная власть в цивилизованных странах уже давно базируется не столько на силе, сколько на морально выверенном и интроецированном¹ христианском (и скорее — протестантском) праве, а в последние десятилетия — даже более — на знании. *Институт квалифицированных экспертов-государственников составляет неотъемлемую часть государственного управления в любой стране, у нас же — его придаток.* И это, конечно, далеко не единственное отличие. В чем-то мы гораздо ближе к Востоку, хотя категорически избегаем даже попыток такого критического сравнения.

В целом, Россия никогда не была ни Западом, ни Востоком, а составляла особый «остров» человеческой цивилизации (иногда характеризуемый как «буферная зона» между непримиримыми Востоком и Западом). Одновременно Россия никогда не принадлежала ни к скандинавскому «Северу», ни к мусульманскому «Югу». Это особое географическое и культурно-историческое положение являлось и является традиционным для России на протяжении многих столетий (почти всего второго тысячелетия) и характеризуется двумя разнонаправ-

---

¹ Интроекция — полное, безоговорочное и некритичное включение индивидом в свой внутренний мир системы взглядов, мотивов и преобладающих в обществе установок, когда он уже практически не различает собственных и навязанных ему обществом представлений. Реализуется как путем длительного убеждения, так и принуждения. В этом смысле современная западная мораль сформировалась не без неопределимой помощи инквизиции, так же как и еще недавно существовавшая советская, отнюдь не худшего качества, мораль — не без неусыпного ока КГБ.

ленными процессами: с одной стороны, ориентацией на достаточно избирательную ассимиляцию как западной, так и восточной культуры (с последующей «трансляцией» ассимилятивно трансформированных форм преимущественно на Восток); а, с другой, достаточно жесткой ориентацией на сохранение российской самобытности, не «опускаясь» до сближения или каких-либо форм «широкомасштабной» интеграции ни с Западом, ни с Востоком. Последняя «традиция», вероятно, имеет архетипическую природу и ее разрушение (по влиянию на национальное самосознание) может быть даже более существенным, нежели все иные поражения в экономической или культурной сферах, и возможно только в результате насильственного (и — по историческим стандартам — длительного) воздействия.

Поэтому отдаленные результаты (в известной степени — насильственного) «присоединения» России к ценностям и социокультурным стандартам Запада (при этом, в постперестроечный период — скорее «американизации», чем «европеизации») достаточно неопределенны и трудно предсказуемы, особенно, если учитывать, что это «присоединение» осуществляется на фоне самого затяжного социально-политического кризиса, длящегося уже почти целое столетие.

Здесь возможны самые различные исходы: от простого отвергания, как это уже случалось не раз (например, с попытками государственного устройства по французским, немецким или английским образцам), до полного извращения идей, как это было с привнесенными в Россию идеями социал-демократии, трансформировавшимися в большевизм. Не исключено, что точно такая же участь ожидает российскую демократию.

Мы должны признать, что пока вообще не знаем ни что такое «капитализм», ни что есть «демократия». Наши, характерные для массового сознания, представления преимущественно идут от противного: «все, что не социализм — это капитализм», «все, что не тоталитаризм — это демократия». Естественно, что это заблуждение. В отличие от нынешних подходов, большевизм в ряде случаев оказывался более гибким и, отрицая на словах, на самом деле в новой идеологической оболочке сохранял и воспроизводил традиционный российский уклад. В частности, родной общинный уклад, когда любые, включая глубоко личные и семейные проблемы, выносились на сход, перекочевал не только в производственные коллективы и коммуналки, но и в высшие эшелоны власти, трансформировавшись в пионерские, комсомольские, партийные и профсоюзные собрания, где вообще не было запретных тем. Нынешний одномоментный отказ от традиционной российской общинности позитивно принимается лишь незначительной частью общества. Для остальных — это невосполнимая утрата, несущая огромный заряд тревожности (типичное выражение массового, безусловно заслуживающего уважения, обывателя: «Раньше мы все обсуждали, а сейчас я вообще не знаю, что происходит»). И даже для тех, кто принял эту западную модель «частной жизни», она остается чуждой, и это также *наша характерная черта: даже принимая западные ценности, мы про-*

должаем жить по российским стандартам. Чисто внешнее (в отличие от азиатского) сходство западного уклада жизни с российским, и нас самих с европейцами — очень обманчиво. Дистанция, несколько упрощая, между православием, протестанством и католицизмом столь же велика, как между православием и исламом.

Российский декаданс

Истоки русского «декаданса», появившегося вначале как явление культуры на рубеже XX в., как представляется, следует искать в событиях, имевших место задолго до октябрьского переворота 1917 г. Однако это потребовало бы слишком объемного исследования, поэтому мы считаем целесообразным затронуть лишь ближайший исторический период.

Неожиданное и страшное поражение России в русско-японской войне (при уже упомянутых традиционных для России установках) явилось причиной катастрофического упадка общественного настроения россиян: мощный российский флот и армия, до этого известные преимущественно своими сокрушительными победами на европейском театре военных действий (Отечественная война 1812 г., Русско-турецкая и т.д.) неожиданно потерпели сокрушительное поражение от японцев («басурманов»), о существовании которых в России (да и Европе) в тот период времени знали не так уж много (кимоно, «китайские» фонарики и т.п.). Это поражение имело не только российское, но и мировое значение. Во-первых, был нанесен сокрушительный удар по идее «Святой, самим Богом хранимой и непобедимой Руси». Во-вторых, это было первое (по историческим меркам) поражение «европейцев» в войне с «не-европейцами» (или, во всяком случае — это поражение было так воспринято, так как Россия частью Европы являлась и является, как уже отмечалось, лишь относительно, конвенционально, условно, скорее, — географически, чем культурно-исторически).

Военное поражение, как самое значительное свидетельство начала периода социально-экономического упадка России, дополненное ужесточением монархии («кровавое воскресенье» и т.д.) и последующей хаотической активизацией иррациональной силы плебса, завершилось временным (по европейскому — а, следовательно, нероссийскому образцу) «ограничением» монархии и (временным же) утверждением гражданских демократических (также нетрадиционных для России) свобод. Все это резко меняло структуру, стратификацию и весь уклад жизни населения, одновременно (закономерно) изменяя и невротизируя массовое сознание (как и любые другие резкие перемены). *Государство составляет одну из важнейших родительских структур для любого человека, и любые перемены в родительской морали или родительских требованиях — это всегда шок.*

Пролетаризация

Нарушение преемственности и — даже более катастрофическое явление — пролетаризация государственного управления и власти,

лишение последних надежд на военное (а, следовательно, в российском варианте — и национальное) превосходство, и возврат (уже в 1918 г.) к гораздо более жесткой модели власти (чем при «неограниченной монархии») вызвали еще более значительную невротизацию населения, адаптивно сменившуюся глубокой «органической» тревогой с закономерным «уходом в себя», ориентацией на истинные и, гораздо больше — ложные духовные ценности с характерной мифологизацией социальной действительности (мифологизация — как способ психологической защиты от неприемлемой реальности).

Метафизика декаданса начала XX в. в поэзии, художественном и даже научном творчестве отразила общие тенденции смены умонастроений никогда не бывшего в России значительным и все более истончающегося культурного «слоя», и свидетельствовала о глубочайшем кризисе, развитие которого осуществлялось в чрезвычайно специфических условиях: пролетаризация власти закономерно сменялась пролетаризацией всей культуры, науки, морали и всей общественной жизни, которая в последние годы XIX в., особенно в силу петербургского (тогда еще столичного) интеллигентского влияния, все более тяготела к европейским культурным ценностям (их не следует путать с корнями) — стабильности, рациональности и космополитизму. Одновременно во всей силе проявились и традиционно российские тенденции уже начавшегося кризисного развития: подверженность идеям катастрофизма, иррационализма и апокалиптическим настроениям. Психическими эквивалентами упадка, захватившего все сферы традиционной российской и, особенно, городской реальности (военную, экономическую и культурную), явились (также достаточно традиционные для российского менталитета периодов кризисного развития): пессимизм, азартная порочность, пьяное воодушевление и вера в приход мессии, который решит все проблемы.

О национальных архетипах

Как известно, национальные архетипы достаточно ярко проявляются в сказках: о хитром Гансе — у немцев, о мудром Ходже — в Азии, о благородном рыцаре — в Англии и т.д. В российской мифологии традиционными являются два основных героя: Иван-дурак и Богатырь. При этом, что очень существенно, к «местности» (к месту действия, т.е. — к России) всегда «привязан» Иван-дурак, а Богатырь появляется всегда откуда-то извне или вводится в сюжет как следствие чудесного превращения Ивана-дурака, но, опять же, не в результате его личных усилий, а как следствие вмешательства «третьих» (волшебных, таинственных) сил (Конька-Горбунка, доброго колдуна и т.п.). Эта уверенность, что Бог (как «национальный герой» № 1) не оставит Россию (вера в некое чудесное превращение или магический выход из той или иной ситуации), пронизывает все содержание российской ментальности на протяжении пяти последних столетий и активно используется (в том числе — в манипулятивных целях) в современной политиче-

ской и коммерческой рекламе (отсюда, отчасти, и имидж, безусловно, харизматического лидера Бориса Ельцина, в одно ухо Конька-Горбунка влезшего членом Политбюро, а из другого появившегося демократом-спасителем России; и новый, неожиданно-негаданно павший, «Конек-Горбунок» — «МММ»; и «скатерть-самобранка» — «Дока-хлеб» и т.п.).

Внутренний конфликт желаемого и возможного — типично российское явление, корни которого, по образному выражению Николая Бердяева, связаны с несоединенностью мужественного и женского начала в русском характере. Русская история и типично российская архетипия (включая уже упоминавшиеся сказки как непосредственное отражение последней) — это всегда отчасти история невесты, томящейся в ожидании жениха, который может понравиться или не очень, но всегда должен появиться откуда-то извне, или — вначале уйти за «тридевять земель», отвергнутым и опороченным, а затем вернуться желанным (типичный пример — Борис Ельцин, отчасти — Александр Солженицын и т.д.). Именно в этом состоит и отсюда идет наше специфическое отношение к историческим и вообще любым «варягам», начиная от первых российских князей, вплоть до нынешних «счастливых случаев» и «романтических путешествий», путем выхода замуж за любого, даже захудалого, немца, шведа или американца (отсюда же особое почтение ко всяческому СП, где россиянин, не покидая Родину, фактически оказывается на положении иностранного низкооплачиваемого рабочего).

Эта женственность, свойственная обоим полам россиян, всегда хотела свободы, но не «для», а «от», в том числе — не свободного государства, а свободы от государства; и если попытаться, вновь — несколько упрощая, обобщить: не какой-то новой формы общественного устройства, а свободы от всякой формы.

Другой российской архетипией, которую отмечали еще Лосский и Бердяев, является стремление к абсолюту, и только к абсолюту, пренебрегая реальностью, условностью и усредненностью; при этом, в отличие от западного типа мышления, никак не соизмеряя свое стремление с обыденностью бытия. Это всегда бросало Россию из одной крайности в другую, которые, конечно, могут существовать в природе, но, как и любые крайности, никогда в массовом варианте.

Характерно, что идеи абсолюта оставались и остаются довлеющими, не взирая ни на какие «нюансы» реальной действительности: мы хотели абсолютной свободы, а жили в рабстве, мы желали абсолютной правды, а все более погружались в ложь, мы мечтали об абсолютной любви и дружбе, а жили в тайной ненависти, которая взорвалась Прибалтикой, Карабахом и Чечней, как только исчез страх¹.

---

¹ Несколько увлекшись паранаучными идеями о природной моральности человека, мы чрезмерно идеализировали свою сущность, совершенно не принимая и не учитывая того, что совесть — это социальная категория, первично формирующаяся вначале на основе родительских запретов (когда вместе с первыми словами мы усваиваем такие отвлеченные понятия как «некрасиво», «некультурно», «стыдно») и страха осуждения социумом (вспомним еще раз государство, как родительскую структуру). Таким

Именно это стремление к абсолютизации, при этом — не столько действительности, сколько (почти всегда — иллюзорных) идей и глобальных социальных утопий, приводило и приводит нас к перманентным историческим «соскальзываниям»: успешно адаптировавшаяся к национальным укладам (немецкому, французскому, шведскому и т.д.) усредненная западная социал-демократия реализуется у нас в некоей абсолютной, доведенной до абсурда форме и трансформируется в большевизм; *современная западная демократия сейчас также принимает некую извращенную форму, и то, во что она трансформируется, пока вообще трудно определить.* Но уже сейчас ясно, что общего с западной демократией у нас будет не так уж много. И даже если — что очень гипотетично — грянет фашизм, которым нас усиленно пугают в последнее время, он будет качественно иным и не похожим ни на итальянский, ни на франкистский, ни на германский.

О богоизбранности и Боге

Несмотря на достаточно гордое, а где-то — даже кичливое, ощущение своей богоизбранности («единственно правые и славные» или, в другой — более верной, но менее доступной для массового сознания интерпретации — «единственно правильно славящие Бога»), типично российское отношение к Богу достаточно специфично. Во многих случаях (на уровне обыденного массового сознания) Бог воспринимается как некий «член семьи», с которым («в сердцах») можно и повздорить, а затем, (по-родственному) расцеловавшись (с иконой), получить прощение. Этим, конечно, не исчерпывается типично русское отношение к Богу и типично русское понимание духовности и святости. В этой связи уместно напомнить известный тезис Константина Леонтьева, что русский может быть святым, но никогда — честным; отметить, что нигде в мире, за редким исключением, нет такого (все пополюющегося) количества святых, нигде больше не встречается такая феноменология как «старчество» (святой человек, которому как бы «передавались» грехи и «перепоручалось» их замаливание перед Богом, в то время как «очистившийся» таким специфическим образом возвращался к своим обычным занятиям и... грехам); и т.д.

Сама идея святости в российской ментальности приобретает качественно иные характеристики: святость России не в святости ее пути, а в бесконечном почитании своих святых и самой святости, как высшего, и потому — исходно недостижимого состояния или идеала. Запад также почитает своих святых, но высшие духовные ценности связываются там с идеалами познания и справедливости, чести и честности. У нас же эти архетипы принципиально иные: свят не человек, а свята сама земля русская, поэтому человек не идет (да, в общем-то, в рамках

образом, мы становимся людьми в высоком смысле этого слова не столько благодаря, сколько вопреки нашей природе, и это гораздо больше возвышает Человека, чем уже упомянутый паранаучный тезис о его природной моральности.